

БИЛЕТ НА НЕБЕСНЫЙ ПОЕЗД

– Ханьюл, ну ты и баклан! – раздался голос от окна. – Ты забыл, что ли?

Ханьюл вздрогнул, оторвался от книги про покорение морей и обернулся через плечо. Над подоконником распахнутого в весенний сад окна торчала чернявая голова одноклассника Маджида.

– Чего пялишься?! Договорились же Юки показать Небесный поезд. Времени осталось всего ничего!

Ханьюл виновато поджал губы – он действительно забыл про это. Юки – невысокая худенькая девчонка, приехавшая настолько издалека, что там не знали ни одной Опоры, не видевшая никогда живьем Небесный поезд. Они – Ханьюл, Маджид, а ещё Эрчим и Бэлза – пообещали ей невообразимое зрелище и настоящий рассказ о Поезде взамен туманных сказочек, которые она слышала у себя в деревне. И вот – пятничный поход в кино, субботний дворовый чемпионат по футболу, воскресное поручение отца убрать в своей комнате – и он совершенно забыл о данном обещании. Но исправить ситуацию ещё не поздно.

Ханьюл решительно бросил на стол книгу, глянул на часы.

– Я буду через пять минут!

Молниеносно он сменил домашние штаны на уличные, с заплатками на коленях, запихнул в поношенный рюкзак куртку и бинокль. Сбегал на кухню, разыскал там плитку шоколада и пакетик с орешками. Остановился, задумавшись, как поступить с отцом. Сказать как есть? Соврать? Или вообще сбежать, ничего не объясняя? Интересно, отец много уже выпил?

Ханьюл выглянул из двери и посмотрел на распахнутые ворота гаража, откуда доносилась музыка – старые шлягеры времён родительской молодости – и где иногда включался шлифовальный станок. Машину давно пришлось продать: когда мама заболела, требовалось оплачивать дорогое лечение, но отец купил у кого-то за бесценок старый неисправный мотоцикл с коляской и теперь восстанавливал его. Работа шла медленно, так как неизменной спутницей гаражных дел у него была бутылка вина. В принципе, отец отпустил бы его гулять – ну и что, что вечер? Поручение он выполнил, в комнате убрал, даже с домашним заданием всё было в норме, но вот упоминание про Небесный поезд может раздраконить подвыпившего отца: почему-то в их семье эта тема старательно избегалась, особенно мамой, пока та была жива.

Ханьюл потоптался несколько секунд на пороге гаража, потом вздохнул и шагнул внутрь.

– Пап, я прогуляюсь с друзьями, – чуть повышая голос в попытке перекричать очередной ретрохит, сообщил он.

Музыка сделалась тише.

– Далек собрался?

– Ну... На Лысый холм, наверное...

– На Поезд смотреть?

Язык у отца уже заплетался, но лишь чуть-чуть. Сам он сидел на маленькой табуретке возле голой мотоциклетной рамы. Вокруг были разложены инструменты, на верстаке светилась ополовиненная бутылка вина, рядом с которой красовались пустой гранёный стакан и тарелка с парой бутербродов. Отец насупленно молчал, ожидая ответа.

– Ну... Вообще-то да. У нас в классе новенькая. Она приехала издалека, никогда не видела...

– Ты голодный? – неожиданно перебил его отец.

– Нет, папа. – Ханьюл подумал, что тот отдаст ему сейчас свои бутерброды и захмелеет без закуски ещё сильнее. – Я не голодный.

– Бинокль берёшь?

– Э-э-э... Ну, да.

– Ладно, иди. С биноклем осторожно, разобьёшь – нового не будет. Максимум через час после... Поезда... ты должен вернуться. Я... лапшу сварю... наверное.

Не ожидая такого лёгкого исхода беседы, Ханьюл радостно воскликнул:

– Пап, ты не волнуйся, я сам потом еду приготовлю.

– Угу, – донеслось в ответ. – Ладно, беги уже.

Чуть ли не вприпрыжку Ханьюл выскочил во двор и бросился к навесу, где стоял его неизменный «Спутник». За спиной, в гараже, вновь зазвучала громче простенькая мелодия пятнадцатилетней давности.

– Ну что? – Ханьюл вывел велосипед за калитку, вскочил в седло. – Где мы встречаемся с остальными?

Маджид щёлкнул переключателем скоростей на своём солидном «Гладиаторе».

– У моста в парке.

– Ну, так погнались! Кто последний, тот бамбук!

К парку Маджид приехал первым. Ханьюл лидировал в начале пути, но, как только узкая улочка пошла в гору, благодаря системе переключения скоростей, «Гладиатор» обошёл простенький «Спутник». Они ещё азартно померялись мастерством на дорожках парка, но у моста Маджид всё равно оказался первым. Ханьюл понял, что друг в полный рост рисуется перед Юки.

Новенькая стояла на самой середине моста и смотрела в воду. Вечернее солнце золотило её тёмно-русые волосы, и, пожалуй, Юки можно было назвать симпатичной. Её даже не портили круглые очки в стальной оправе. А маленький рост прибавлял изящества худой фигурке. В своём тихом спокойствии она гармонировала с окружающим миром. С водой мелкой речушки, с весенним парком, с жёлтым светом закатного солнца. Чего нельзя было сказать про Эрчима и Бэлзу. Они набросились на задержавшихся:

– Ну, где вы пропадаете?! Опоздаем сейчас, и ждать придётся почти месяц.

– Да я-то при чём?! – возмутился несправедливым упреком Маджид. – Это Хан про Поезд забыл, прикинь!

– Невероятно, – встряхнул чёлкой Эрчим. – Чтобы Хан забыл про Поезд?!

– Так, спокойно! Время ещё есть. Бэлза, уйми своего жениха.

Бэлза расширила глаза и упёрла руки в бока.

– Жениха-а? – повторила она, буквально шипя от негодования.

– Слыш, счас кто-то получит по носу! – Эрчим погрозил кулаком.

– Ладно-ладно! – Ханьюл поднял руки в примиряющем жесте. – Пошли уже! Юки, ты без велосипеда?

– У меня нету, – грустно сообщила девочка.

– Я подвезу тебя, – будто ожидал этого вопроса Маджид. – Садись на раму. Там всё равно идти придётся в гору, но до тропы...

– Повторяй за мной, – сказала Бэлза и запрыгнула на раму велосипеда Эрчима.

Через полминуты они уже катили к подножию Лысого холма.

В то самое время, как пятёрка школьников, оставив велосипеды у старого дуба, принялась карабкаться крутой тропинкой на Лысый холм, Илай Чоллес, отец Ханьюла, вышел из гаража. В руках его была заткнутая пробкой бутылка вина и продолговатый кофр с болтающимся ремнём. Смятая пачка сигарет оттопыривала нагрудный карман. Он сунул бутылку за пазуху, перекинул ремень кофра через плечо и вытащил из-за гаража длинную лестницу. Минуту спустя он уже поднимался по ней на крышу дома. Там он на четвереньках прополз к печной трубе и устроился на шифере, привалившись спиной к тёплым кирпичам. Отхлебнув из бутылки, Илай открыл кофр. Старая подозрительная труба тускло засветилась латунным боком. Илай достал её, раздвинул, примерился к окуляру, нашёл в зелени соседских деревьев просвет, где тянулась нитка недостижимого монорельса. Затем отложил подозрительную трубу, вытащил сигаретную пачку. Он не курил долгие годы и, даже когда любимая женщина перестала вставать с кровати, держался. Но когда её не стало, а возраст Ханьюла приближался к четырнадцати, Илай и закурил, и запил. Ибо на его плечи легло принятие самого важного в жизни решения. Сделав две глубокие затяжки, Илай полез в карман брюк и достал байковую тряпицу, в которой лежал круглый плоский предмет...

На этот раз Ханьюл был первым. Первым из их компании, кто преодолел подъём, перелез через низкий колючий кустарник и выбрался на каменистую, поросшую лишь пожухлой травой, поляну. Позади него вскоре появились Эрчим и Бэлза. За ними – Маджид и Юки. Маджид галантно раздвинул перед новенькой ветки. Ханьюла подмывало высказаться в стиле «жених и невеста», но он одёрнул себя: чересчур по-детски это, а ему уже почти четырнадцать. К тому же они здесь не совсем на прогулке...

– Сколько времени? – спросил Ханьюл.

Бэлза взглянула на маленькие овальные часики на запястье:

– Осталось десять минут.

– Отлично! – провозгласил Ханьюл и, сдёрнув с плеча рюкзак, рухнул на траву. – Прекрасно успели.

– А что, этот Поезд идёт строго по расписанию? – удивилась Юки.

– Ага! – кивнул Маджид. – С офигенской точностью. По нему можно часы сверять.

– И как часто он ходит?

– Раз в месяц, – буркнул Эрчим, борясь с заклинившей молнией на куртке.

– Нет, раз в три недели, – поправил его Ханьюл. – По воскресеньям, семь ноль пять.

– Я это и имел в виду. – Молния была побеждена, куртка расстелена на траве.

– Я думаю, вот что... – хитро прищурилась Бэлза. – Раз мы тут гонки из-за забывчивости Хана устраивали, пусть он и рассказывает.

– Ну да, – нехотя согласился Маджид. – Он же у нас самый... увлечённый.

– Ты хотел сказать «чокнутый»? – хихикнул Эрчим.

Компания рассмеялась, но незлобно. Ханьюл не обиделся.

– Э-э... А что рассказывать? – спросил он.

– Всё рассказывать, – попросила Юки. – Мне всё интересно.

Ханьюл встретился взглядом с новенькой. Глаза у Юки были зелёные, как у его мамы.

– Ладно, – кивнул он. – Расскажу то, во что сам верю. Только это будет не сказка.

– Валяй, – подбодрил Маджид. – В сказки про волшебников, живущих на облаке, мы уже давно не верим.

– Да, они живут не на облаке. Они живут на большом острове в океане, так далеко, что ни кораблям, ни дирижаблям нашим туда не добраться, даже на картах этого острова нет.

И они не волшебники. Они такие же люди, как мы. Просто умеют много всего. И очень хорошо разбираются в технике. Есть такая легенда... Когда-то мы были как они, были одним народом, но разразилась страшная война. Мы на много поколений забыли, как делать умные и быстрые машины, а они там на своём острове ни капельки не пострадали...

– Не-е, Хан, – не согласился Маджид. – Про остров – верно. Про то, что не чудовища и не духи, а люди, похожие на нас, – тоже правильно. Но они пришли из другого мира, единым народом мы не были. Никакая война не стёрла бы это из памяти.

Ханьюл пожал плечами, оставаясь при своём мнении.

– Маджид, не перебивай, мы сами Хану слово дали, – одёрнула одноклассника Бэлза, – про Поезд расскажи.

– Ну... мы к другим поездам привыкли. Которые на паровой тяге и по железным рельсам ходят. Но это тоже поезд. Только очень быстрый, и рельс у него один. Называется это монорельсовая дорога. Она над землёй высоко поднята, для безопасности наверное. Дорог таких через всю страну несколько проходит.

– Там, где я жила, ничего подобного нету, – поделилась Юки, поправляя сползшие на носочки. – А откуда он идёт? И куда?

– Точно никто не знает. Может, остров у них не один и дорога их связывает. Может, этот путь ведёт вокруг всего земного шара. А может, они кристаллы какие-нибудь добывают для себя в Ардитских горах – там высота несколько километров, туда человеку не попасть.

– Тихо! Слышите звук?! Кажется, идёт...

Ханьюл спохватился, вытащил из рюкзака бинокль, нацелился на Опору, подкрутил настройку. Потом вручил оптику Юки.

– Смотри туда. Вряд ли он остановится...

– А что, он может остановиться? – Юки уставилась на него, в голосе звенело изумление.

– Смотри! Потом...

Без оптики на таком расстоянии монорельс выглядел как нить паутины, поблёскивающая в лучах заходящего солнца. В линзах бинокля паутинка превращалась в тонкую рыболовную леску. Через миг-другой по ней проскользили, размываясь на скорости, несколько продолговатых белёсых рисинок. Или это была одна такая рисинка-бусинка, просто очень-очень вытянутая... Ханьюл вспомнил, как, будучи совсем маленьким, не пропускал ни одного поезда и, даже если зимой низкие тучи прятали от глаз монорельс, всё равно лез на чердак тайком от родителей глянуть: не сверкнут ли мистическим светом среди туч и голых ветвей окна Небесного экспресса...

С новой, незажжённой сигаретой в уголке рта Илай Чоллес смотрел через окуляр подозрительной трубы на вершину Опоры. В миг, когда в поле зрения появился Поезд, он затаил дыхание, боясь даже моргнуть. Волшебный миг, которого так ждёшь в детстве. Мимолётное прикосновение к тайне. Странно, он не забыл это ощущение даже спустя годы.

Поезд мелькнул и, не замедляя ход, понёсся дальше.

«А ведь остановится ли он в следующий раз, зависит целиком от меня», – подумал Илай. От этой мысли его бросило в жар, комок подступил к горлу. Мужчина отхлебнул вина из бутылки, подкурил и долго ещё сидел так, держа на коленях тряпицу с круглым синим жетоном...

– Так вы говорите, он может остановиться? – вновь спросила Юки, когда Поезд исчез вдали. – А из-за чего это происходит?

– Говорят, иногда он берёт пассажиров. Где-то по миру ходят счастливые билетики. Предъявишь на входе и сядешь в экспресс. И отправишься в ту загадочную страну.

– А как наверх попасть? Он же на такой высоте проносится... Кстати, на какой?

– Тысяча сто метров, – доложил Ханьюл. – Высоко. Поэтому в наших краях монорельс отовсюду и виден. А расстояние между опорами десять с половиной километров. Прикиньте, какая прочность, дорога ведь ни капельки не провисает.

– А откуда ты всё это знаешь? – спросила Юки.

– А он книжный червяк, – хихикнул Эрчим.

– Вообще-то в школе про это рассказывали ещё в третьем классе, – парировал Ханьюл.

Дальше спорить не стали. После небольшой паузы Маджид сказал:

– Опора – это по сути башня. И в ней по-любому есть какой-то подъёмник или лестница. И дверь внизу, только заперта всегда...

– Сам, что ли, видел?

– Нет, – потупился Маджид. – Старшие пацаны рассказывали...

– А что ещё они рассказывали? – ехидно прищурился один глаз, спросил Ханьюл.

– Про патруль полицейский, который там пасётся.

– Это те пацаны, что в прошлом году тачку угнали, обдолбанные в хлам.

– Ну, допустим, – Маджид напрягся.

– Полагаешь, им можно верить?

– А почему нет?!

Возникший момент напряжения между друзьями разрядила Юки:

– И вы видели, как Поезд останавливается?

– Ага! – закивали все в унисон.

– За время учёбы в школе я помню четыре раза, – сказал Маджид. – Последний раз – осенью, в прошлом году.

– В феврале, два месяца назад, Поезд у другой опоры остановился, в Приозёрье, – добавил Ханьюл. – Я по радио слышал. Там при этом сын мэра пропал.

– Значит, про билет не шутки.

– Не шутки, – согласился Хан. – Только там не билетик бумажный, а жетон.

– Точно! – закивал Маджид. – Помните страшные сказки о синем жетоне? Им детей заманивали в гиблые места...

– Не, ну, это сказки, а в остальном логично. Жетон – это пропуск на вершину Опоры. И Поезд по сигналу жетона – хоп! – останавливается, подбирает пассажира. Только вот откуда эти жетоны берутся?

Воспользовавшись паузой, Ханьюл достал из рюкзака шоколадку, разломал прямо в обёртке, поделился с друзьями. Забросив в рот свой кусочек, сказал задумчиво:

– Мне мог достаться такой жетон.

На поляне воцарилось потрясённое молчание, прервать которое первым рискнул Маджид:

– Э-э, друг, ты никогда про это не говорил...

– Когда мама совсем плоха стала, бредила часто. Я однажды услышал, как она отцу сказала: «Жетон ведь на дне, правда? Они не отберут у нас сына».

– Хм... – растерянно начал Эрчим, – а ты у отца не спрашивал про это?

Ханьюл потупил взгляд.

– Боюсь я. Он после смерти мамы пить много стал. И бесится при упоминании всех этих дел.

– Руки распускает? – серьёзно спросил Маджид.

– Нет, но... – Ханьюл вздохнул. – Я боюсь другого, его с работы выгонят. А ещё день рожденья вряд ли организовать получится...

– О! Это ж тебе скоро четырнадцать!

– Ну, как скоро... В следующем месяце.

– Да и ладно, – махнул рукой Маджид. – Что нам этот сладкий стол?! Не парься, друг.

– Не буду. Хотите орешки?

* * *

– Что это?! – расширившимися от ужаса глазами Ольвия Чоллес смотрела на плоский кругляш из синеватого металла, положенный на стол доктором Сидом.

– На плановом тестировании дошкольного развития ваш Ханьюл показал великолепные результаты. Таким одарённым детям полагается... пропуск в... как у нас принято говорить, Небесную Страну. Правда, есть одно ограничение, – доктор вздохнул, поправив очки, – пропуск этот действует лишь до четырнадцати лет...

– Но... Но я не хочу. – Ольвия оглянулась, ища поддержки у стоящего позади мужа. – Я не отдам своего сына! Они его не получат!

– Четырнадцать? – переспросил ошеломлённый Илай. – Не семнадцать, не шестнадцать?

Доктор Сид смиренно кивнул:

– Увы. Считается, что в более позднем возрасте дети не смогут адаптироваться для жизни в том мире.

– Не-ет! – чуть ли не взвизгнула Ольвия. – Это... бесчеловечно.

– Вас никто не заставляет это делать. Это ваш сын и ваша жизнь. Однако моя обязанность – выдать вам жетон. С его помощью при желании Ханьюл сможет сесть на Монорельс.

Доктор подвинул кругляш молодой маме.

Ольвия после долгого молчания протянула руку к жетону, затем отдёрула, словно металл был раскалён.

– Смелее, – подбодрил доктор. – Впереди ещё много лет. И вы вполне можете изменить решение. Подумайте, это ведь и страховка тоже. Если с вами что-нибудь случится, о вашем сыне позаботятся... там. Он получит образование и место в обществе, более развитом, чем наше.

– А что там? – спросил Илай. – Вы знаете?

– Нет. – Доктор Сид снял очки и устало потёр глаза. – У нас есть просто диагностическая машина, в которую мы вводим данные. Иногда после анализа этих данных машина выдаёт жетон.

Ольвия снова протянула руку, но смогла взять предложенный предмет, только когда Илай, успокаивая, приобнял её за плечи.

Доктор одобрительно кивнул:

– В нём идентификатор и таймер. Им сможет воспользоваться только Ханьюл, и только до четырнадцатого дня рождения. А влаги и грязи он не боится...

– Я не хочу! Не хочу даже думать о том, что Хан может оставить нас!

Ольвия вытирала мокрые глаза маленьким смятым платочком и глядела на сына, играющего в саду с соседским щенком. Илай стоял рядом, мрачный, напряжённый, сосредоточенный. Стоял и крутил в пальцах жетон, полученный ими от доктора. Жетон напоминал крупную монету, но гладкую, без каких-либо гравировок, лишь по ребру шли

частые бороздки. Илай выяснил, что если сильно сжать его в руке, внутри металла вспыхивает синим светом имя сына: «Ханьюл Чоллес» и меняющиеся пары цифр через двоеточие. Таймер. Обратный отсчёт до часа икс.

– Илай, мы должны уничтожить его.

– Может, не стоит? Просто спрячем...

– Нет, ты не понимаешь. Все мальчишки в детстве проходят через интерес к этому чёртовому поезду и этой треклятой стране.

Илай нашёл в себе силы усмехнуться.

– Да, я как бы в курсе. Сам о Небесном поезде мечтал в десять лет.

– Вот! Спрятать не выход. Уничтожить или выбросить, но так, чтобы навсегда...

Илай вздохнул. Ольвия напряглась.

– Ты что, хочешь потерять сына?!

– Милая, как ты можешь такое говорить?! Нет, конечно. Если настаиваешь, можем утопить жетон в Белом озере.

Ольвия подняла умоляющие глаза на мужа:

– Да. Это нужно сделать. Возьмём лодку, отплывём подальше...

– Завтра?

– Сегодня!

* * *

Илай очнулся от воспоминаний, тяжёлым, мутным взглядом посмотрел на часы, показывающие полпервого ночи, встал с дивана и направился в детскую. Там он поднял с пола брошенную книгу, поправил одеяло, провёл рукой по мягким волосам сына и долго ещё стоял у его кровати. Когда к горлу подкатил комок и Илай понял, что может расплакаться, он вышел из детской. Плеснув воды в лицо из кухонного крана, старший Чоллес подошёл к висящему на стене календарю. День рождения Ханьюла в табеле уже был обведён красным кружком. Илай добавил ещё одну отметку на две клетки левее, сделал её просто процарапав ногтём большого пальца – в этот день Ханьюл должен был сесть на Поезд.

* * *

– Пап, ты уверен?

Ханьюл поймал себя на мысли, что повторяет эти слова уже далеко не первый раз за сегодня. Начиная со спортивного магазина, где отец купил ему куртку с капюшоном, кроссовки и большой удобный рюкзак. Он говорил ему это и в хозтоварах, где отец сделал ему совершенно неожиданные и очень классные подарки: ударопрочный термос и работающий от динамо-машинки фонарик. И потом ещё, когда они заказывали деликатесы в рыбном ресторанчике, где однажды молодой Илай сделал предложение юной Ольвии. И в конце, когда отец взял такси на площади Свободы и они погрузили на заднее сиденье свои сытые тела и пакеты с покупками. Ханьюл был поражён количеством денег, потраченных сегодня, а ещё тем, что отец с утра был абсолютно трезв.

Дома они оставили покупки в прихожей и Илай позвал Хана в гостиную. Сын и отец уселись на диван. Илай почувствовал острое желание промочить горло перед началом этого трудного разговора, но мужественно заставил себя обойтись без выпивки. Облизнув пересохшие губы, он спросил:

– Сын, скажи, тебе всё ещё интересно, куда идёт Небесный поезд?

Ханьюл быстро-быстро закивал:

– Больше всего на свете, папа.

– Я так и думал, дружок. – Илай обнял сына за плечи, взъерошил на макушке волосы. – Так и думал...

И полез в карман за жетоном.

* * *

– Подожди-подожди-подожди! – Маджид скривился, будто укусил лимон. – Ха-а-ан! Я... я... Да я просто поверить во всё это не могу!

– У тебя в руках жетон. – Ханьюл указал на стальной кругляш, который его одноклассник держал на ладони.

– Ну да. Но всё равно... Как же так случилось?..

– Да я же тебе уже два раза рассказывал...

– Угу...

Они сидели в кустах, на заднем дворе школы, рядом со спортплощадкой. Уроки закончились почти час назад. Вокруг было тихо. Домой разбрелись даже дежурные, выполнившие свои обязанности по уборке классов.

– Значит, ты... туда? – наконец после долгой паузы спросил Маджид. – В Небесную Страну?

– Да, – кивнул Ханьюл с лёгкой улыбкой. – Как говорят взрослые, сбылась мечта идиота.

– Это же... навсегда?

– Я не слышал, чтобы оттуда возвращались.

– Э-э-эх...

– Зато не будешь меня к Юки ревновать. Зелёный свет вам, дружище.

– Спасибо. – Впервые Маджид отреагировал на тему его симпатии к новенькой спокойно. – Ты уже это переварил, да?

– Нет, конечно, – Ханьюл усмехнулся. – За один день, что ли?

Они снова помолчали.

– А отец твой всё-таки молодец. Как говоришь, он жетон спрятал?

– Да не спрятал. Утопили они его тогда с мамой в озере. Только отец тайком от мамы место отметил. Грузик и поплавок использовал. А через несколько дней достал у знакомых гидрокостюм, поплыл ночью на лодке туда и нырнул до тех пор, пока не нашёл.

– Ох и замучился, наверное, искать...

– Ага. Отец рассказывал, раз пятнадцать нырнуть пришлось. Даже простудился после этого. А уже потом – да, берёг, хранил его...

– Повезло же тебе, баклан. – Маджид в последний раз сжал жетон, поглядев, как на нём проступает имя друга и таймер, отмеряющий оставшееся до закрытия пропуска время. – Забирай!

Ханьюл принял заветный кругляш, бережно завернул его в тетрадный листок, убрал в карман. Маджид следил за его действиями с нескрываемой грустью и тоской. Хан глянул на друга.

– Завидуешь?

– Ага, – признался Маджид.

– Сильно?

– Если бы не Юки, сдох бы от зависти. – Маджид усмехнулся собственной шутке, которая, впрочем, шуткой и не была. – Наверное, теперь ты попросишь хранить тайну до твоего отъезда?

– Попрошу, – кивнул Ханьюл. – Тем более что осталось всего два дня, и в школу я больше не пойду.

* * *

Ханьюл отправился в путь, едва рассвело, категорически отказавшись от компаньонов (проводить его рвались и отец, и Маджид). Отец предлагал даже взять такси, но Ханьюл выбрал самый правильный, с его точки зрения, вариант – идти пешком. Пройти через родной посёлок, впитать его дух, запомнить навсегда. А потом, выбравшись из паутины улиц, легко и просто взять курс на шпиль Опоры и шагать себе через поля и холмы... Отец, правда, смирившись с тем, что сын уйдёт один, посоветовал избегать людей, особенно на подходе к Опоре. Одинокий мальчишка с рюкзаком может вызвать подозрение. Решат, что сбежал из дома, могут задержать «до выяснения». Ханьюл считал, отец не прав: ведь жетон служит объяснением всему, и тем не менее не стал спорить. Мысль о том, что по совершенно дурацкой причине он не успеет сесть на Поезд, ужасала. Кто знает, может, и вправду там дежурят полицейские патрули? Конечно, играть в шпиона чревато потерей времени, но путь не так уж далёк, не позднее трёх пополудни Ханьюл собирался прикоснуться к своей мечте.

Не пройдя, однако, и пятой части пути, он испытал приступ страха и тоски. Это случилось, едва скрылись из виду последние дома посёлка. Накатило щемящее чувство утраты, как тогда, когда не стало мамы. Затем подоспело ощущение одиночества и необратимости. Всё! Больше не будет той жизни. Не будет отца, друзей, школы, знакомых улиц, привычного уклада. Теперь он сам по себе. Возможно, там, куда он направляется, о нём позаботятся. А если нет? Он остался один и отныне может рассчитывать только на самого себя.

От этих мыслей голова пошла кругом. Ханьюл сошёл с дороги и присел на небольшой плоский камень. Нет, так не пойдёт! Зачем цепляться за жизнь, в которой тебя не ждёт ничего интересного? Ему выпал счастливый билет, возможность прикоснуться к главной тайне этого мира, шанс заглянуть за горизонт, а он вдруг испугался, вцепился в привычный миропорядок и боится отпустить... Он ведь хотел! Он мечтал! Ну!

Ханьюл нашёл взглядом нитку монорельса, ставшую ближе уже на несколько километров. Она не пугала. Она притягивала, звала. Мальчишка сжал кулаки. Сомнения отступили, спрятались в тень. Возможно, до поры, но хоть так. Он глубоко вдохнул, поднялся с камня и зашагал навстречу судьбе.

Дом был пуст. Илай Чоллес будто бы физически воспринимал эту пустоту. Ощущение не являлось для него новым – когда умерла жена, в этих стенах также чувствовались одиночество и вакуум. Но тогда всё было несколько иначе. Пустота означала ещё и избавление от страданий, да и маленький Хан был рядом, он дарил дому аромат жизни. Теперь же... Гулкая тишина, незаселённое пространство, давящая тоска...

Илай долго сидел в комнате сына, разглядывая семейные фотографии, потом попытался чем-то заняться во дворе, после пошёл в гараж, надеясь, что возня с мотоциклом хоть частично вернёт ему душевный покой. Не вышло – гаечный ключ словно чужеродный предмет лежал в руке. В стремлении услышать чей-то голос он позвонил на работу, но там

в нём не нуждались до понедельника. Тогда Илай решил пройтись по улице, заглянуть в магазин. Две бутылки вина возглавили список покупок сами собой. По-другому прожить этот день у Илая не получалось.

– Странно, почему «Небесный»? Хоть и высоко, но он же по монорельсу этому едет, а опоры на земле.

– Потому что до него не добраться, как до неба...

– Твой друг доберётся.

– Да. Но Хан – особый случай. То, что он сядет через час на Поезд, – это... Ну, это правильно. Вот если бы жетон у кого-нибудь другого в нашем классе обнаружился, я бы считал, это несправедливо. А у него...

Юки и Маджид сидели на той самой полянке, на Лысом холме, сидели, держась за руки. Пели птицы, шуршал в низкой траве ветер. От волос девушки ароматно пахло фруктовым шампунем. Они были одни. У обоих это было первое в жизни свидание. Маджид достал из кармана горсть конфет, предложил Юки. Сказал, подумав:

– Ну вот, теперь мы станем частью легенды. Мы учились с парнем, который сел на Небесный поезд и отправился в Небесную Страну.

– Я его совсем не знала, – сказала Юки, разворачивая конфетку-леденец, – но было ясно, он хороший парень.

– Да уж. – Маджид стерпел маленький укол ревности. – Засранец он ещё тот, но хороший, и я буду по нему скучать...

Его глаза предательски заблестели, быстрым движением руки он хотел смахнуть наверхнувшиеся слёзы, но замер. Юки смотрела на него, в её взгляде читалось что-то такое новое, завораживающее. Нежность, понимание... влюблённость?

Потом они поцеловались.

С трудом держась на ногах, Илай ковылял по Гранитному бульвару, являя собой весьма неприглядное зрелище. Рубашка выбилась из-под ремня, штаны сзади испачканы землёй, шнурок на правом ботинке развязался. Куртку он где-то потерял, но не заметил этого. Зато переброшенный через плечо кофр с подзорной трубой Илай не выпускал из рук.

Был ранний вечер выходного дня. По бульвару гуляли люди, большинство семейных. На Илая они смотрели с презрением и опаской, сторонились, отводили с его пути детей.

Иногда делая передышки у фонарных столбов, Илай добрался до ратуши, где долго всматривался в циферблат главных городских часов. Наконец, осознав, который нынче час, он принялся резко озираться, дёрнулся в одну, затем в другую сторону. Он хотел найти место, откуда будет виден Небесный поезд. Мелькнула мысль, что такое место ему подскажут сами люди, но взрослых монорельс не интересовал. Для них он не был чудом. К нему привыкли, как со временем привыкают к пейзажу за окном. Да, иногда что-то проносится где-то там, стоит ли волноваться? Данное явление не меняет ничью жизнь... Облака вот тоже куда-то бегут по небу, что с того?

На скорое появление Небесного поезда среагировала лишь стайка мальчишек навскидку от семи до десяти лет. Стайка эта спорхнула с насиженных мест на фигурных лавочках и помчалась вдоль бульвара, что-то выкрикивая и указывая на кряжистые деревья. Возле высокого клёна мальчишки остановились и принялись карабкаться по изогнутым ветвям. Илай приблизился к ним, оценил перспективу. Монорельс проглядывал только в узком проёме

между домов, Опоры не было видно совсем. Но загораживающие картинку крыши высотой не отличались, требовалось вознестись лишь на несколько метров над землёй. Илай выбрал соседнее дерево и, сконцентрировавшись, полез наверх.

Дети смотрели на это зрелище сначала с недоумением, потом принялись хихикать. Заметили чудо пьяной эквилибристики и взрослые. Илай дважды чуть не рухнул с дерева, но в итоге каким-то невероятным образом дотянулся до крепкой развилки, что подарила ему открывшуюся над крышами перспективу. Обняв толстую ветвь, Илай достал из кофра подозрную трубу.

– Смотри-смотри! Тормозит! – радостно воскликнула Юки, хватая за руку Маджида. – У него всё получилось!

– Йо-хоу! Хан – крут!

За поцелуями и объятьями они чуть не пропустили заветный момент. Опомнились буквально за несколько секунд, схватили раздобытые накануне бинокли, прильнули к окулярам. И тут же появился Небесный поезд – червячок, скользящий по сверкающей паутинке. В этот раз он шёл медленно и всё более замедлял ход, пока не остановился напротив свечки Опоры. Несмотря на увеличивающую силу биноклей, детали невозможно было рассмотреть. Кроме одной.

– Он белый, да? – спросила Юки.

– Кажется.

– Как символ мечты...

Остановка длилась лишь полминуты, затем Небесный поезд стартовал и, стремительно набирая скорость, понёсся дальше.

Илай в его состоянии смог увидеть и понять только одно – поезд остановился. Отражающая солнце искорка, возможно на ветровом стекле, скользнула чуть дальше Опоры, замерла и сияла там несколько секунд. Никакая оптика не позволила бы разглядеть с такого расстояния стоящую на платформе фигурку подростка, равно как и тёмный проём открывшейся двери. Но Илай увидел всё это в своих фантазиях. И не захотел сдерживаться.

– Поезд! Небесный поезд! – закричал он во весь голос, сидя на дереве. – Он взял моего мальчика. Поезд остановился для моего сына! Хан такой молодец! Там его ждёт новый мир. Я отпустил его... Сейчас он сел на поезд. И... фьюить...

Свистнуть не получилось. Язык Илая не слушался, да и на дереве он еле держался. Но это не помешало ему снова и снова повторять, как он отпустил сына и тот только что сел на Небесный поезд. По третьему разу он говорил это уже размазывая по щекам слёзы.

Вокруг собрались люди. Взрослые. Детей увели от пьяного дебошира с удивительной быстротой. Соседнее дерево, облюбванное мальчишками, опустело в первую очередь. Люди смотрели с осуждением, с презрением, со злостью. Кто-то обматерил его, многие советовали заткнуться. Илай послал советчиков в ответ. Напряжение нарастало, но пока всё ограничивалось словесной перепалкой.

Илай смахнул слёзы и вгляделся в лица. Много женщин, разъярённых, ненавидящих его. Самки, защищающие потомство. Да и самцы недалеко от них ушли... На какой-то миг Илау показалось, что среди толпы мелькнуло спокойное лицо доктора Сида, но то было лишь видение.

– Убирайся прочь, пьянь! – кричали из толпы. – И заткни свой поганый рот!

Илай хотел растолковать суть, но сквозь толпу пробрались два крепких парня в форме. Его стащили с дерева, отвесили несколько пинков, чтобы не дёргался. Подзорная труба при этом свалилась на землю, её растоптали. Потом Илаю сковали руки за спиной. Хриплый бас шепнул в ухо:

– Веди себя тихо – и всё закончится только «трезвяком».

– Нет, я скажу...

Бунтарский дух Илая был легко и просто усмирён ударом в печень. Больше говорить не хотелось. Его отвели в стоящий в конце бульвара полицейский фургончик, закинули в отсек для задержанных. Кое-как он поднялся с пола, заполз на лавку и закрыл лицо руками. Они все хранят этот секрет, подумал Илай. Может, не все поголовно. Но очень многие. Может, даже не сговариваясь. И он тоже хранил его все эти годы.

Достать жетон со дна было чертовски трудно, он рассказал про это сыну, но не объяснил, по какой причине. А причина в том, что на дне Белого озера выброшенных жетонов были сотни...

Илай всхлипнул, привалился к стенке и закрыл глаза. Представил, как где-то невероятный, фантастический поезд мчится над землёй.

«Счастливой дороги, мой мальчик! И удачи в новом мире!»

2017